

Отзыв

на автореферат диссертации
Балина Максима Анатольевича

«Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степном крае (вторая половины XIX–начала XX вв.)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1–Отечественная история.

Рассматриваемый автором хронологический период является очередным этапом явления, за которым закрепилось название русской колонизации. Русская православная церковь как институт и Божье установление была одним из участников этого процесса, но не играла в нем роль лидера, не являлась инициатором. На западе Российской империи восточнославянское единство в целом было восстановлено, за исключением Буковины и Галичины, находившимися в составе Австро-Венгерской империи. А в азиатской части страны, где прекратили своё существование потестарные образования, было обширное поле деятельности и для государственного и для церковного институтов. Естественно, и в государственном и церковном институциональных лагерях были свои группы, мнения которых по некоторым вопросам расходились. Но в главном они были едины.

Итогом русской колонизации, с точки зрения власти как гаранта православной веры, должно было стать укрепление и государства, и церкви. Принципы государственно-церковных отношений за вторую половину XIX–начало XX века не изменились. Но российская интеллигенция растеряла веру большинства населения страны.

С точки зрения церкви итогом континентальной колонизации должны были стать углубление сакрализации пространства, его детализация и повышение эффективности деятельности церковно-административных институтов в их совместном функционировании с государственными административными учреждениями.

Исследование М.А. Балина выполнено в поле пост-неклассической истории. Избранная парадигма, фокус исследования свидетельствует о смелости соискателя и одновременно с этим обрекает на многочисленные вопросы к нему, поскольку за наукообразной терминологией скрывается смысл, который зачастую напоминает претензии на изобретение колеса или остаётся скрытым, поскольку не содержит убедительных лаконичных примеров.

Вызывает интерес проблема, поставленная автором диссертации: реформы 1860-1870-х годов привели к религиозному индифферентизму, но

наряду с этим в рассматриваемый период РПЦ представилась возможность укрепить свой авторитет в связи с продолжавшимися процессами колонизации азиатской территории России. Поэтому сразу возникает вопрос: удалось ей это сделать или нет, если нет, то по каким причинам?

Во введение говорится об адаптации конфессионального российского законодательства к региональным условиям (С. 3). Если бы это было действительно так, то Россия была бы не империей, а федерацией земель от царства Польского до Сахалина. В действительности происходила не адаптация, а учёт конфессиональных особенностей территорий, входивших в ходе колонизации в состав Российской империи.

Избранные территориальные рамки исследования сформулированы чётко и достаточно широко. Они простираются от Тобольского севера, выходящего к Северному ледовитому океану, до казахских кочевий на юге, из чего можно сделать вывод о существенных отличиях и специфике практической деятельности институтов церкви в различных районах.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом климатогеографические особенности влияли на то, что сформулировано в задачах 4, 5, 6 исследования.

Следует также обратить внимание, что «восточные окраины империи» (С. 3), «восток империи» (С. 15), находились не в Сибири и Казахстане.

В диссертации говорится о практике христианизации индигенных народов Зауралья. Неоднократно употребляемый термин «Зауралье» имеет узкий и широкий смысл, включая географический и территориально-административный. В каком именно его понимает автор?

Как понятие индигенных народов соотносится автором с категорией автохтонного населения, и какие именно этносы имеются в виду? Выражение «киргизские кочевья» (С. 14) является устаревшим до архаичности.

В отношении источниковой базы исследования диссертант подчеркивает мысль, что использованные им источники были аккомодированы и иерархизированы автором (С. 11).

Из содержания автореферата явствует, что коммуникационные связи осуществлялись по различным каналам и на разных уровнях, но не ясны их механизмы.

Утверждение, что личное освобождение крестьян усилило динамику миграционных процессов на восточные окраины империи не вызывает сомнений в целом, но выглядит слишком общим и нуждается в детализации, поскольку в рассматриваемый период и до него были этапы, на которых крестьянским переселенцам оказывалась государственная помощь. Из этого утверждения может возникнуть представление, что вскоре после обнародования Манифеста в Сибирь хлынули крестьянские волны переселенцев. К тому же не следует забывать, что основная производящая сила российской экономики традиционного общества, всегда была склонна к

Трудно согласиться с формулировкой научной новизны в приводимой ниже части: «впервые в исследовательской практике Русская православная церковь позиционируется как актер имперской политики внутренней колонизации Западной Сибири и Степного края...» (С. 15).

В этом утверждении верно то, что историки старой школы не пользовались терминологией новой локальной и новой социокультурной истории. Историки советской марксистской школы говорили о церкви как служанке самодержавия, а может ли служанка не выполнять волю хозяина? Если имеется ввиду самостоятельная деятельность церковных институтов, то нужно приводить примеры вступления их в противоречие с государственными органами власти. Не частные примеры, а существенные.

Обоснование хронологических рамок исследования выглядит не вполне логично, поскольку берутся разнопорядковые величины: изменения в социальной сфере и «дискриминационные меры» в конфессиональной политике (примеров не приведено).

В начале XX века российская власть обратила внимание на совершенствование законодательства в отношении инославных исповеданий, старообрядчества, иноверных и сектантства. Статья 40 Основных законов Российской империи гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». Главные принципы веротерпимости власти были изложены в статьях 44 и 45 основных законов Российской империи.

Относительно верхних хронологических границ нужно также заметить, что было бы странно, если бы в условиях мировой войны не было внесено корректив в вероисповедной политике воюющей страны. В сентябре 1914 г. власти Австро-Венгерской империи создают концентрационный лагерь Талергоф для русинов Буковины и Галичины, а также других симпатизирующих Российской империи.

Общим итогом имперского дискурса автор называет «признание церкви в качестве эффективного актора имперской политики на восточной периферии государства, а также потенциальную готовность к сотрудничеству с имперской властью». (С. 17). Это из разряда секретов Полишинеля. Разные подходы к проблемам церковь и государство демонстрировали в XVI и XVII веках, но с начала синодального периода существенных примеров этого не известно.

Церковь и государство на колонизируемых территориях в целом всегда выступали рука об руку, сотрудничали, коммуницировали, включая доимперский период в истории России. РПЦ участвовала в сакрализации колонизируемого пространства Западной Сибири с конца XVI в., о чем говорят документы делопроизводственной документации. Единственным временным отрезком в истории России, когда интересы, подходы власти и церкви расходились диаметрально, был период тотального господства в СССР воинствующего атеизма, который не прошел бесследно и отголоски которого ощущаются повсеместно и ежечасно.

воинствующего атеизма, который не прошел бесследно и отголоски которого ощущаются повсеместно и ежечасно.

Из этой же полишинельской категории заключение по третьему параграфу первой главы (С. 18). Разве могла церковь на страницах епархиальной периодической печати выступить в ином качестве?

В первом параграфе второй главы говорится о постепенном формировании «особой социокультурной идентичности православных служителей, основанной на чувстве сопричастности дела православной церкви государственным планам колонизации окраин империи». Если в предыдущие периоды у священно-церковнослужителей РПЦ была иная самоидентификация, то в чём она заключалась?

Интересно узнать, какие эффективные алгоритмы сотрудничества удалось выстроить РПЦ с имперской властью в реализации религиозной политики и как удалось амортизировать последствия революции 1905 – 1907 гг. «в деле распространения христианства в сибирском социуме».

Избранная исследовательская парадигма не должна освобождать автора от опоры на существенные выводы, сделанные классической исторической наукой, также как работа в поле новой культурной истории не должна освобождать от знания достижений «старой» культурной истории.

При разборе текста, при его деконструкции, иногда выясняется, что предпринятые авторские усилия по созданию наукообразных конструкций были излишни, они лишь затемняют суть и страдают отсутствием конкретики. Что, впрочем, соответствует заявленному подходу.

Естественно, объём автореферата не позволяет дать глубокую оценку работе и остаётся надеяться, что в целом диссертация Балина Максима Анатольевича «Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и степном крае (вторая половины XIX – начала XX вв.)» отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям (п. 9 Положения о присуждении ученых степеней) и её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Даю согласие на включение моих персональных данных в личное дело соискателя.

Конюченко Андрей Иванович,
доктор исторических наук,
специальность 5.6.1. Отечественная история,
профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

Адрес ЧелГУ: 454001, Челябинск, улица братьев Кашириных, 129.

Адрес электронной почты: konan62622@mail.ru

02.05.2023